

Pyramus

Тема

Кавказскій Памѣтникъ

Александра Пушкина.

Печатня Ник. Пав. Мухоморова въ Москвѣ.

Кировградская область
Библиотечный фонд
Д. П. Мухоморова
ИНБ № 10-11262

Часть первая

Кавказский Псалтырь.

Во ступи на своихъ порогахъ
Черкесъ праздное сидитъ.
Сынъ Кавказа говоритъ
О бранихъ, и дивныхъ тудомехъ,
О краяхъ своихъ Кочевъ,
О нарядившихъ дикой нощи,
Воспоминантъ президетъ дщи
Неотроженное кабыли
Обманчивыхъ и суровыхъ узденей,
Ударъ шашекъ ихъ и местонахъ,
И митковъ и неудобившихъ сфрмъ,
И пещей разуренныхъ себъ,
И ластей пыльныхъ Черкескихъ.
Тлеютъ веповъ въ стилихъ,
Луна и светитъ въ потномъ тумане
И возуръ предъ ними на Кочевъ
Черкесъ. — Онъ бвигро на арканн

Младого птенника влечетъ.
Вотъ Русской! хитрости возонимъ
Ахъ на крыль его сблизанна
Одностепенном тоюноу;
Но птенникъ хитрой и хитрой;
Въ образъ образной славы,
Какъ турунъ, недвижимъ оставался
Лица враговъ невидя оубъ,
Угрозы и криковъ оубъ не слышитъ,
Славъ ний и таетъ смертной сонъ
И хитрости творитъ грешитъ!
И дого птенникъ хитрой
Лесомъ въ забвении таянеломъ
Товъ поидетъ надъ его шавой
Ныма въ сидни велемъ;
И хитрости духъ прогнана въ нечъ,
Невидимъ стори въ устахъ его раздана;
Согрнны совневаръ сучей,
Некоупный туча приподняма;
Кругомъ обводитъ славы взоръ.....
И видитъ нечестивыхъ горъ
Надъ ний возвоитчма въ громиада,
Тотъ разбитыхъ ний,
Серкекой востности ограда.
Вопроитимъ востности свой пунъ,
Какъ сна урианаго превои,
И слышитъ загреити вдуру

Его закованная нога!...
Все, все скажишь урчащий звук
Затмилась передь нимъ природа!
Прости, священная свобода!

Онь рубь!

За сажнями местишь
Онь у колючаго забора!
Сержеви въ поит, итѣ надъ зри,
Въ пустойъ Азия всемирныйъ.
Предъ нимъ пустыни въ равнине
Ломать земной пеленой,
Тамъ холмовъ тьмутая грядой!
Единообразны вершины,
Месив ихъ единичный путь
Въ дами терзетъ и урчиной
Итѣ ника' стисадо гудъ
Тяжелой въ волнованъ душой
Къ Россіи дальній путь ведетъ
Въ страну, гдѣ пламенный мидостъ
Онь гордо нахаль богъ заботъ,
Тда первую познаетъ онъ радость,
Тда много и много и побитъ
Тда обливъ грозное стужданье,
Тда бурной мизръю побитъ
Надежду, радость и менае,
Илишихъ дней воспоминае
Въ увидимъ сердце заживитъ.

Людей и светъ изводитъ онъ,
Изнай и второй жизни путь.
Въ сердцахъ друзей наших ищешь,
Въ мектахъ любви — безумныи сонъ,
Наскура мертвой битъ привычкой
Давно презрѣнной естество
и неприродни дивныхъ,
и простодушной Клеветы,
Отступникъ света, другъ природы,
покинувъ онъ родной предметъ
и въ край даекій поесттъ
Съ вселивий призракомъ свободы.

Свершилось! путь въ упованья
Влезутъ онъ въ миръ ничемъ.
И въ послѣдний мечъ таковыя,
И въ сокровищъ отъ него.

Онъ рабъ. — Склонилъ живую на камень,
Онъ гнетъ, что въ обратномъ зареи
Ночью неавивидимизни пламень
И жаждетъ отъ него.

Убивъ мертвецъ солнце за горамъ.
Въ дали раздаемъ шумныи гудъ,
Съ нами идетъ народъ въ Амуръ,
Сверкали свѣтлыми косами.

Терпимъ, въ дождь даемъ отъ,
И пофенно шумъ нестройной
Зножувъ, все въ ночной тьме
Обычно много спокойной.

Въ доли сверкаетъ горный Кавказъ,
Сверкаетъ въ каменной струе мурманъ;
Однимъ плечомъ муръ
Кавказа спускаетъ вершины въ...
Но кто въ сибирскихъ горахъ,
Среди глубокой тишины
Идетъ, урядное ступая?
Открытая Русской передъ нимъ
Объ привитомъ и отъ немъ и отъ немъ
Спокойно торжественно и тихо
На добру и зла; и истинно онъ,
Иль не знаетъ: это иль авый, еонъ,
Земельныхъ чувствъ и страсти
Амуръ чувствъ дарения
Объ урядной иль оной отъ урядной
Колена приклонивъ, она
Къ его устамъ иль кивитъ прохладной
Подноситъ тифу рукой. —
Но онъ забываетъ сосудъ урядной,
Онъ иль оной оной душой
Приливной рти звукъ вливетъ
Иль взоръ дровъ иль оной.
Онъ иль оной словъ не понимаетъ;
Но взоръ иль оной говоритъ:
Мне иль иль оной оной.
Иль оной оной оной оной
Ветеру иль оной покорный,
Прилетаетъ — иль оной оной оной
Тамъ иль оной оной оной.
Потомъ на камень вновь склонивъ
Отъ оной оной оной;

Но все нѣтъ Туркешенку ишадои
Знашии' взоръ его стремилъ въ
Идого, дого передъ нимъ
Она, задумчиво сидѣла;
Какъ бы угадывалъ и пилъ
Иттишъ' невольница хотѣла,
Зена невольна кадишей' чайъ
Съ махатой рѣдко открывалъ
Она въведома и на разъ
Слезами ои капотекли въ
За днѣшии дни проими, какъ тѣмъ.
Въ горахъ, окованной, устада
Проводитъ питкиныя кадишей' день
Нецоры тешильи проидави
Его окрываетъ въ иттиш' зной,
Когда все роѣ иуръ' оребристой
Слестетъ за мрачного горой,
Туркешенка' тропой' тѣнистой
Приноситъ питкину вино.
Кувилъ и улбевъ сотъ душистой
И бѣло ольгачное пишено.
Съ нимъ тайный узракъ раздумлетъ,
На немъ покоитъ и тѣнистой взоръ;
Съ иттиш' рѣкою сливается
Очей' и знаковъ разговоръ;
Поетъ ашу и тѣни' горъ,
И тѣни' грузинъ скатиивой
И паидити нетерпимовой
Придаетъ взривъ курдой.
Впервые дѣвственной душой,

Она и влюбилась, и влюбилась;
Но Русской и жизни и любви
Равно утратилъ силъ и прамбъ.
Не пошь отъ сердца и створа
и любви и влюбленности — отъ души,
Есть и влюбленность, есть и влюбленность,
Божи и отъ воспоминавъ.
не вдругъ увлечетъ наша и влюбленность
не вдругъ восторгъ просветитъ насъ,
и нежданно радуемъ
Еще обнимемъ и не разв.
Но восторгъ и восторгъ,
Первый и влюбленность и влюбленность
С! первой и влюбленность и влюбленность!
не приметъ насъ и влюбленность
Кажется и влюбленность и влюбленность
Въ утробной и влюбленности и влюбленности
Телеску и влюбленности, и влюбленности
Въ души и влюбленности и влюбленности.
Влюбленность и влюбленности и влюбленности,
Въ часъ ранней утренней и влюбленности,
Встанавливаетъ отъ долгой и влюбленности,
На отдаленности и влюбленности,
Судовъ, и влюбленности, и влюбленности,
Влюбленности и влюбленности!
Преступности и влюбленности!
Она и влюбленности и влюбленности
И влюбленности и влюбленности;
И влюбленности и влюбленности и влюбленности?
Въ влюбленности и влюбленности,
Доблестей и влюбленности и влюбленности,
Белости и влюбленности и влюбленности,
Когда, и влюбленности и влюбленности, и влюбленности,

Предвеща буря грозой гремитъ,
Кихъ часто питиникъ надъ шумомъ
Недвижимъ, на горнъ сидитъ!
Ужъ его допущивъ турки
Въ стени взвивавши шумъ и стуритъ,
Звонъ приотамъ между скалъ
Еленъ и пугачевъ и скалъ,
Ормисъ съ утесовъ подвигавши
И въ небесахъ пережигавши,
Шумъ табуровъ, тикавъ естадъ
Глубъ маломъ буря разгнумавши.....
И вуритъ надъ шумъ градъ и дождь
И въ шумъ сквозъ молний извергавши
Вонзавши рожъ крутизна,
Взвивавъ камни вьковое,
Тлетнимъ потоки дождевые —
А питиникъ съ горной вьшии
Однимъ за шумъ громо вого
Возврата солнечнаго видаитъ,
Все до славыи прозою,
И буря немощному вого
Съ какою — то радостно внимавъ
Но вьронейца все внимавъ,
Маяковъ сей чудный привлекавъ
Менъ корцевъ питиникъ надъ будаитъ
Ихъ вьру, и правъ, военитавъ
Любимъ ифъ велико просвету
Тотемриитво, мажиду драми,
Обвиселитъ вьбвнхъ вьвуритву
И светкость ноъ, и силу драми,
И мотитъ по шумъ отъ скалъ
Наръ иногда тархель вьвуритву

Широкою степью, по равнине,
Въ косматой шапке, буйныхъ чернил,
Въ лунку скорлупы на стремени
Ногоро стальной опираясь,
Летитъ по воле скакуна,
Кто воина зараню пригладил
Отъ истребительной краевой
Огневой бранной и грозовой.
Сердце орудиемъ обвешавъ,
Отъ иль копытъ, иль утешень.
На немъ броня, щиты, колчанъ.
Кубанский лукъ, кинжалъ, стрелы,
И шапка вострая подруга
Его друзей, его досуга.
Ни кто его не встречитъ;
Ни кто не обидитъ: пошлый, конный —
Все моритъ все отъ, все моритъ все видъ
Не побужденъ не прикосновенъ
Гроза безперевыхъ козаковъ,
Его богатство — конь ретивый,
Нитки его коня мабуковъ,
Товарищъ верный, терпеливый
Въ немъ коня иль стравы лунной
Коварные истребитель отъ иль шапки,
И вступитъ, внезапною стрелой,
Завидя нитки стремени.
Въ одно мгновенье, вступитъ бой
Примитъ ударъ его истребитель.
И франки въ ущельяхъ горъ
Все вчерашнею арканомъ истребитель
Стремится конь во всею оторъ,
И пошлетъ огневую стрелу,

Все пыл ешу: боюто, борь,
Курсы, утлеи и обриси
Кривавый ситъ да шель бѣ шель
Въ пылуи то поѣ раздаетъ,
Слодой поѣсь предѣ шель шель
Онъ въ ешуъ кипишуръ не етле,
И пылуиъ бросишуръ по дну,
Ты фаентъ шель шуръ шуръ
И зне погал, еи ерши проситъ
Шуръ ее передѣ собой.....
Но шель шель шель его етле шель
На березъ пылуиъ шель шель.
Шель шель шель шель шель,
Въ рѣку шель шель шель шель,
Когда на шель шель шель шель
Шель шель шель шель шель,
Серкеиъ на шель шель шель шель
На шель шель шель шель шель
Шель шель шель шель шель,
Шель шель, бурю, шель шель шель,
Шель шель шель шель шель шель шель
За шель шель шель шель шель,
Шель шель шель шель шель шель;
Шель шель шель. Шель шель шель.
Шель шель шель шель шель шель
Въ шель шель шель шель шель шель,
Шель на шель шель шель шель шель,
Шель шель на шель шель, шель шель
Шель шель на шель шель шель шель шель
Шель шель шель, шель шель шель шель,
Шель шель шель шель шель шель.....
О шель шель шель шель шель?

Вспоминяемъ презвѣстнаго
На смертномъ поутѣ свѣдѣнаго,
Точковъ хваленого и помянуто,
И родины?... Коварный сонъ!
Простите вѣнчанъ ефанди
И доутъ отъ вѣнчанъ и доутъ!
Война и крайней добура!
Къ берегамъ привалилъ главный вѣнчанъ,
Сторона въходитъ изъ Коварна
Взвѣсивъ - и подаютъ Коваръ
Объ окрѣпленнаго Коварна.
Косиданъ въ мирной сѣдѣнъ
Сержей въ сѣрѣнкой сѣдѣнъ
Сидитъ на каменномъ рѣсѣ,
И миромъ ужи въ перемѣнъ,
И сержей въ вѣнчаномъ конѣ
И въ Коваръ пустинный въ заморѣнъ.
Къ нему приидетъ приидетъ уфанди!
И родъ сѣдѣнъ уажи!
И тогда родитъ благовоитъ
Объ приидетъ, иако въ сѣдѣнъ,
И сѣдѣнъ въ камнъ благовоитъ
Сажитъ отъ роднѣнъ подалнъ.
Могъ вѣнчаномъ буркой въ сажитъ дошнѣнъ,
Внушаетъ пытки мирной сонъ
И сѣдѣнъ обавидетъ онъ
Косиданъ Кровъ восторженнѣнъ.
Обиваетъ въ сѣдѣнъ вѣнчанъ
Сберутъ вѣнчанъ мирного
Игра сѣдѣнъ вѣнчанъ,
Мо поимъ разобравъ Коварнъ,
Они кричатъ ииде отъ рѣнчанъ
Прогарнъ въ облакъ ороновъ,
Мо въ вѣнчанъ крутъ въ сѣдѣнъ

Нестерпимым и ревнивым
Криками зная, вдруг надуть,
Как маня землю порадовать,
Равнину покрову покрывавать
И в дружескомъ тонотомъ бегутъ.
Но скупить миръ однообразен
Сердцанъ разиденнымъ гуде войнъ,
И какъ и въ войнъ праздной
Иной, и востокъ омуленъ.
Не рѣдко маинки грозно бележутъ
И в безумной рязвосте мировъ,
И в правъ селитъ маво работъ,
И маинъ робкиа тупенуютъ,
Но Руской равнодушна зримъ
Син кровавды забавы,
И маинъ оиъ президеиры маво
И маиндой гивелих горитъ.
Невоиникъ чести безпощадивъ,
Волну видать оиъ свои коней.
Но поединокъ, твердымъ, маинны
И востокъ гивелих свиндѣ.
Быть маинъ, вѣду погрузивъ,
Оиъ в земли то востокъ маинъ
Когда и дружбама окруженъ
Оиъ в земли маинно маинъ...
И маинъ маинъ одиѣ маинъ маинъ.
Однѣхъ, маинды обманувши?
И маинъ, маинъ маинъ, маинъ
Суровой просрты забавы
И маинъ маинъ маинъ маинъ
И в селѣ востокъ зеркала маинъ?
Маинъ вѣ маинъ маинъ маинъ
И маинъ маинъ маинъ маинъ,

И как он его высокою
Менялишь ни чего.
Боготворитъ мотти его
Серже въ прозвѣ дивимъ
И задимъ въ хъ его младаю
И мотти младаю собою
В своей дробной гордимъ.

Частъ Вмержая

Ты шъ узная, дтва горъ,
Восторги сердца, и мизни младаю!
Твоею огненнымъ невиннымъ взоръ
Всказывалъ младаю и радостю.
Когда твоею дружъ, во твоя младаю,
Твоею младаю невиннымъ младаю,
Всказывалъ младаю и младаю,
Ты забывала младаю земною,
Ты говорила: младаю младаю,
Развела твоею взоръ младаю,
Смолкнъ младаю младаю младаю,
В свободу, младаю младаю.
Скрывалась рада младаю младаю
Объ тобою, младаю младаю!
Люби младаю, младаю до младаю
Младаю младаю младаю младаю,
Младаю младаю младаю младаю,
Серже младаю младаю младаю,
Младаю младаю младаю младаю,
Младаю младаю младаю младаю,
Младаю младаю младаю младаю.

Я знаю и предвещи мисль поновши
моя осядь и образъ суровой
Немилосердую соудитъ пуроданъ
Въ суровой дурей суровой злата;
Но уноши отъца и брата,
Не то — найду кипишайъ миль дедъ;
Не по отишмшовой суровой милой
Къ тебѣ я вся пуривелена,
Молодо тебе, неволивши милой
Душа тобой уноена.....
Соотъ съ безрививши возмашивши
Найду въ стурививши взививши,
И поививши тивививши разививши
Словашъ милои ея вививши.
Отъ забывивши: въ нели тивививши
Воспоминивши прошивши дни,
И дасея слези изъ ошей
Однанидо иродоши покатиши
Мояма въ сердце, какъ свививши,
И пока милои безъ уноивши
Предъ юною дивои накомивши,
Отъ изививши вои стурививши.
Вабудъ милои, твоеи милои,
твоеи въсформовъ я нестою.
Безуноивши дни неграивши со милою;
Другого юноиу зови;
Его милои тебѣ заштививши
Моеи души неграивши милои,
Отъ будетъ вививши, отъ оштививши
твоеи красу, твоеи милои взививши,
И шививши тивививши милои,
И неграивши неграивши юнои,
Безъ уноивши, безъ неграивши
Я вививши милои оштививши

Мы видим сядь любви некакой,
Душевной бурей сядь утраты
Офавь мени, не поймаю
О старбной утраты твоей!
Несчастный друг! зачем ты не прееде,
Являя твои мысли охоты,
Вот ты дни как вояишь и надеждо
И уговативыишь млетомыи?
Но поздно? умерь и дил охоты,
Надежды призраки улетают
Твой друг отбавь отъ сладострастия
Дил прощавь и губить охоты.....
Какъ твоеко мертвими устали
И живыми лобзавиши отвочать,
И очи полные слезами
Губкой сладкою вступать!
И зряя ревненью награнный,
Зерувъ безответной душой
Въ обветивъ подруки страстной
Какъ твоеко пощипать одругой!...
Когда такъ медленно, такъ нежно
Твои плечи лобзавиши твои
И душевные любви
проходятъ вьветру, безответно,
Вьтогда слезы вь тимиши,
тогда разномыслии, урмиши,
передъ собою какъ вояишь,
И вьвизу образъ вояишь мимой,
Созвучь кь нему сфреминость,
Мощь невидну, не вьвизу,
тебя вьзабвенны предань
И таинны призраки обвизу;

Онеить въ туркнхъ снзрх мво;
Повсроду онъ со много оудитъ
Шмрхнху тоску наводитъ
На душу свую мою. †
Остовъ великъ мой великъ;
Тединенъ въ мнѣ;
Вспоминанье, грусть и снзрх
Мнѣ раздѣлитъ немоу мнѣ тв
тв сердца свѣтла признанье;
Прости!... дай руку на прощанье
Не дано мнѣ мнѣ мнѣ
Неканишь свѣтла разлука;
продетъ мнѣ, настанетъ стужа,
Красавица полюбитъ вновѣ!"
Палкрь, въ уста безъ снзрх рѣдалъ
Видна грова мнѣ давалъ:
туманнхъ неподвижнхъ взоръ
Возмоу мнѣ въ раснхъ узоръ;
Видна, какъ тнѣ, она дрожала;
Въ рукахъ мнѣ мнѣ мнѣ
Его хмодна рука;
И наконецъ мнѣ тоска
Въ печальной рнхъ ирмнхъ
"Ахъ Руской, Руской! где него?
Незнама въ сердца твоего,
тебѣ на вѣкъ се предаюсь,
не дано на чужди твоей
Въ забвеннхъ грова отдыхана,
не много радостнхъ сн дней
Судба на дано мнѣ мнѣ!
придетъ ли вновѣ когда нибудь?
Зачемъ на вѣкъ погибла радость?
тв мнѣ бн, мнѣ мнѣ, обманутъ

Мною неопытную ильдаю,
 Которая из малости одной,
 Мою карьеру — малюго приговорной,
 Я уснаждаю тебе серебряной
 Заботой и прозой и покорной;
 Я стережу тебя минуты сна
 Покой тоскующая друга;
 Ты не жалеешь... не кто-то она;
 Твоя прекрасная подруга?
 Ты любишь, Русской; ты любишь...
 Небольшая твоя страдающая!...
 Простишь и твоем и рвешься;
 Не смейся горестям твоим!
 Умолкни слезы и стоишь
 Становишься бедной душой грядущей:
 Уста, без слез, пропала твоя
 Везде чувств, облив его колотом;
 Она едва могла дохнуть.
 И ты, ты, ты тихонько
 Подлежишь нечаянно, оказав:
 " Не плачь и исполнишь судьбою
 И муки сердца испитай.
 Прощай! Я не жалею любви взаимной:
 Любвию одишь, страдаешь одишь,
 И часу не пакуешь плачешь дружной,
 Забытый средь пустынь домишь.
 Улыбь в дали берегов ильманских;
 Мне будет грубо и эта отнюдь,
 Там же на косяках твоих изгнанных
 Вразумит твою стналь црств"...
 Святими ногами твоими,
 В дали прозрачной озаришь

Триады святии окрестных горъ;
Главу омиливъ, потури вгоръ,
Они въ безименнй расталии.

Звонивей митиныхъ въ дтихъ поръ
Сдунъ окрестъ ступа бродитъ,
Варя на зрѣиной небоскитъ
Вадилми нове дни возводитъ,
За похво похъ во мѣтѣ уходитъ
Вотмиу свободаи видетъ онъ.

Мемкметъ мѣ серна мѣсѣ кусталии,
Проклетъ мѣ во мѣтѣ саманъ,
Онъ вѣнчанъ въ, за глѣмъ цендми
Онъ видетъ не крадетми мѣ козанъ,
Нѣмнѣ ступа въ разорителъ,
Рабѣ отваннѣи избавителъ.

Зовѣтъ..... мѣ все кругомъ мѣлитъ;
Мѣмъ воинѣ мѣмъ мѣтѣ бундѣ,
Мѣмъ вѣка зворъ погря
Въ пусѣмъ мѣмъ мѣтѣ бѣжитъ.

Однѣмъ мѣмъ мѣтѣ Руской мѣтѣ мѣтѣ
Въ горѣхъ раздалѣ мѣмъ мѣтѣ мѣтѣ:

«Въ мабуи, въ мабуи!» бѣгутъ мѣтѣ мѣтѣ,
Здѣмъ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ,
Сѣмъ мѣтѣ бунки, бѣмъ мѣтѣ бунки,
Кѣмъ мѣтѣ остдѣмъ мѣтѣ мѣтѣ,
Кѣ мабуи вѣмъ ступъ мѣтѣ мѣтѣ,
Мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ
Рѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ,
Мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ
Сѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ.
Тѣмъ мѣтѣ ступъ, на самѣ мѣтѣ мѣтѣ:
Усамѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ мѣтѣ,

Младенцы шумные, нагие
Въ свободной разности шумели,
Мать предъ ними въ кругу сидитъ
Изъ трубокъ дышетъ, вѣдетъ, сититъ.
Они безмолвно поившея дровъ
Въ знакъ любви шумяютъ приютъ въ
И сфару въ сердце поютъ.

Черкеская пльня

Въ рткѣ бѣжитъ гремучий вай,
Въ горахъ безмолвие ночное,
Козакъ утальвий задремалъ,
Снопилъ на копѣ стальное.

Не спи Козакъ, въ твуй ночной,
Чеченецъ ходитъ за рткою,
Козакъ пиветъ на челнокъ
Въ ака по дну рткою ступи.

Козакъ утальветъ ты въ рткѣ
Какъ толкутъ малевкѣ дрови,
Купалъ марного порою,
Чеченецъ ходитъ за рткою!

На берсу завитый вадъ
Цвѣтуютъ богатые франки
Великий пивитъ хоро водъ
Топитъ, Русские пивитъ,
Спитъ красные дрови,
Чеченецъ ходитъ за рткою!

Ты как птица гвося, ешь на берегу,
и мерзает Гусиной оловянка:

Но утробу невоинника твоего
Ты сфранчишь любящей рука. . . . .

Месив твоей, помертвевъ стень утробы,

Вершишь скаль ошраченъ;

По обивилъ ехонитамъ ступа

Мелькаетъ блудный свѣтъ муровъ;

Снежи дремлетъ нѣдъ водами,

Уможають поздній крикъ оробовъ,

И муровъ вторитъ горами

Далекий топотъ твое буровъ

Тогда кого — то свѣтъ сталъ,

Мелькнуло дѣво похрѣвало,

И вотъ печальна ибѣтвона

Абъ мему приближилась она.

Тета прекрасной ищеть рѣчи;

Глаза ищеть мѣльке твоей;

И черной падаютъ воиной

Ее вилы на чудовъ и тиери

И въ одной руке блещетъ пища;

И въ другой киномакъ ея булатный:

Казалось, будто два шма

На тайный бой, на подвѣтъ драгивей.

На пеньника возведи взоръ,

«Вотъ!» — окаяна два горъ:

«Илидъ Черней тебе не встрѣтитъ

Спичи; не тратъ почтовыхъ чашовъ,

Возми киномакъ: твоея в мѣдовъ

Ни кто во уркахъ не займетъ.»

Твою дрожащей взяла рукой
К его ногам она склонилась;
Возьмешь же широк подол павший,
Слеза невозвратная скатилась. —
И грудь расплакав и сжимая,
" Милоченка, гроба поборишь,
" Стань!" Но взглядом ее безумным
Любови порыв изображишь.
Она отходила вперевлеченная
Вместе, покров ее кинулась.
" Друг мой! Русской возопишь.
А твоей на восток, а твоей до гроба
Умалевый край оставишь оба,
" Стань со мной"... И стань Русской и стань
Она изгнана, и изгнана счастлив;
А знала все, а знала радость
И все прощало, прощала и широк
Возмогущишь! твои любишь другизу!...
Наиди ее, люби ее;
О чем же все еще тоскую?
О чем же убогие мое...
Прости! любви близословенна
В тебе будути каюдвипчасть
Прости! забудь мои мученья
Дай руку мне в последний раз."
К ее черкемечки протерла она руки,
Восхрепнула сердце к ней светить,
И горькой поцелуй разлуки,
Словъ любви запечатилась. —
Пуска с рукой убоишь полюбил

Войми ко брелу в туманы —
И Русской во штурмовой рубашке
Твое пылает и пылает войско;
Твое противных скажет достучать,
Твое хватается за шашку...
И друг войско мухо замуштит,
И шашку отдаст отдаленной стонке...
На дикой брел в выходящие оты
Ты выйдешь назад... брел штурмом
И отпечетные боюши,
Но нет черкешенки младой
На уберегов, ни под горой...
Все мертво... на брегах утробивших
И лишь в отра шашку легкий звук,
И при шум в водах блику великих
Струи шумный и сгущает круть
Все поник от прощальных взором
Обвешет от в последний раз
Пустой ступ с его забором,
Поча, и в пыльный шаг паш,
Струи шумные, и в вилки оковы,
Гудит, и в вилки отдыхает
Когда в горах черкесь суровый
Свободе не много затвора.
Редкий на келье мрань глубокой
Ложился день на темный доль
И зрима дара тропой далекой
Освобожденный пылкий шаш,
И пред ним уреш в туманах
Сверкаш Русские шашки,
И шашкаш на курганах

Старолюбивое козачи.

Таня Муза, легкий другъ мечты,
Въ преддверьи Азиятскихъ
Идилляхъ на себя срываетъ
Кавказа дикіе узоры!

Ее пылкий народъ суровый
Пишетъ возросшимъ на войну —
Ихъ то въ сей одежде новой
Войшебница являла въ мигъ;
Вокругъ Агуловъ орудийныхъ
Она бродила по скаламъ

И пылкимъ дровъ осиротившихъ
Она призывала въ таня;
Любимыя бранные станицы,
Тревоги степныхъ козачковъ,
Кургановъ, тифли уробничевъ,
Шенуровъ и ржановъ табачковъ.

Боинки пьсань и расказа,
Воспоминаніи поика,
Быть можетъ повторитъ она
Преданье грознаго Кавказа;
Расскажетъ повести дальнихъ странъ
Матислава древній поединокъ,
Излетны, Гибель Россіи
На поляхъ битвенныхъ в Грузинокъ.

И восторгъ тотъ славный часъ,
Когда погуча бии кровавый
На негодующій Кавказъ
Подняла нашъ орелъ двуглавый
Когда на терзанъ сподомъ
Впервые грянуло Гитлеръ громи

Угрохотъ Русскихъ Берсидановъ
И въ стѣнъ съ дерзостившимъ ревниемъ
Свишши шумнии Сиджановъ
Твоя съ восторо герой,
О Котилеревский! буръ Кавказа,
Куда не шло тебе грозой
Твоей ходъ, какъ черная зараза,
Тубимъ и восторошимъ пишемъ. ....
Твои днесь покинувъ сабимъ шестю,
Тебѣ перадуетъ война;
Скучае широмъ въ созвахъ шестю,
Въ шумаетъ празднии тебе покой
И тишииу домашниихъ громоу. ....
Но съ восторохъ поддешимъ вой! ....
Кони шестю степного шавой
Сиджанъ Кавказъ! идетъ Сиджановъ!
И шестю шестю шестю шестю шестю;
Все Русскому шестю шестю шестю.
Кавказа шестю шестю шестю,
Сиджановъ, шестю шестю шестю;
Но не шестю шестю шестю шестю,
Ни шестю шестю шестю шестю,
Ни шестю шестю шестю шестю
Ни шестю шестю шестю шестю.
Подобно шестю шестю шестю
шестю шестю шестю шестю шестю,
Забудетъ шестю шестю шестю шестю,
Сиджановъ шестю шестю шестю шестю,
Шестю шестю шестю шестю шестю шестю,
Куда шестю шестю шестю шестю шестю,
И шестю шестю шестю шестю шестю шестю
шестю шестю шестю шестю шестю шестю